

Н. С. Ефремова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: ens77@mail.ru

Орнитоморфная скульптурка с памятника Тартас-1: к вопросу о семантике и интерпретации

Статья посвящена анализу бронзовой орнитоморфной скульптурки, обнаруженной на могильнике Тартас-1 (Венгеровский р-н, Новосибирская обл.) в 2016 г. Фигурка трактуется как изображение летящего ворона; для семантического осмысления функционального назначения артефакта привлекаются данные этнографии, мифологические сюжеты разных народов, а также сходные предметы из материалов некрополей и культовых объектов. Образ Ворона в идеологических представлениях как древних народов, так и современного коренного населения Сибири обнаруживает двойственность в восприятии. С одной стороны, он связывается с солнцем, Верхним миром, миром богов и духов, является вестником, демиургом или тотемом. С другой – ассоциируется со смертью, погребальным обрядом и миром мертвых, является помощником-проводником на пути туда. Считается, что черный цвет птицы обусловлен воздействием огня и дыма, поэтому неслучайным представляется присутствие скульптурки ворона на бронзовой курильнице скифо-сакского времени, обнаруженной в погребении на территории Казахстана. Анализ функциональных параллелей позволяет предположить интерпретацию бронзовой фигурки птицы как миниатюрной курильницы для сжигания или испарения благовоний при отправлении связанного с погребальным обрядом действия, а также как сопроводительного инвентаря в качестве проводника в загробный мир для погребенного.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Барабинская лесостепь, птица, ворон, идеологические представления, мифология, курильница, погребальный обряд.

N. S. Efremova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: ens77@mail.ru

Ornithomorphic Sculpture from the Tartas-1 Site: Semantics and Interpretation

This article analyzes a bronze ornithomorphic sculpture discovered in 2016 at the Tartas-1 burial ground (Vengerovsky District, Novosibirsk Region). The figurine is interpreted as a depiction of a flying raven. To clarify the artifact's function and meaning, the study draws on ethnographic data, mythological narratives of various peoples, and similar objects from necropolises and cult sites. In the worldview of both ancient societies and the modern indigenous population of Siberia, the image of the Raven is ambivalent. On the one hand, it is associated with the sun, the Upper World, the realm of gods and spirits, acting as a messenger, demiurge, or totem. On the other hand, it is linked to death, funerary rites, and the world of the dead, serving as a helper and guide to the afterlife. The bird's black color is thought to result from the action of fire and smoke; in this context, it is no coincidence that a raven figurine appears on a bronze censer of the Scythian-Saka period found in a burial in Kazakhstan. The analysis of functional parallels suggests that the bronze bird figurine may be interpreted as a miniature incense burner used for burning or evaporating aromatic substances during funerary rituals, as well as a grave good intended to accompany the deceased as a guide to the afterlife.

Keywords: Western Siberia, Baraba forest-steppe, bird, raven, ideological representations, mythology, incense burner, funeral rite.

Введение

В 2016 г. на разновременном могильнике Тартас-1, расположенном в Венгеровском р-не Новосибирской обл., на территории Барабинской лесостепи, продол-

жил работу Западно-Сибирский отряд Северо-Азиатской комплексной экспедиции под руководством акад. В. И. Молодина. При разборке слоя над грунтовыми захоронениями здесь была обнаружена орнитоморфная скульптурка, по мнению исследователей,

больше всего напоминающая ворона (рис. 1). Размеры фигурки – $4,8 \times 3,1 \times 1,4$ см, углубление на спинке имеет параметры $1,6 \times 1,1 \times 0,3$ см. Бронзовая стилизованная фигурка птицы с распростертыми крыльями найдена в непосредственной близости от погребений андроновской (федоровской) культуры, в слое, содержащем мелкие кальцинированные кости кремации, по-видимому, выброшенные из могил в процессе ограбления последних в древности. На фигурке присутствуют следы лепки: на спинке птицы большим пальцем руки выполнено углубление, у края ямки сохранился отпечаток ногтя, лапки оформлены защипами. Изготовление предполагает отливку методом утраченной модели, это подтверждается отсутствием литейных швов на фигурке [Молодин и др., 2016, с. 358; рис. 3]. Особый интерес представляет упомянутое углубление на спинке птицы, функциональное назначение которого еще предстоит выяснить.

Целью настоящей статьи является анализ факта обнаружения орнитоморфной скульптурки на тер-

ритории могильника и возможная интерпретация ее назначения в контексте погребального обряда. Поскольку на текущий момент аналогов данной находке нам не известно, широкий круг параллелей, отраженный в работе, позволил рассмотреть возможные варианты семантического осмысления артефакта, как, например, связь образа Ворона с погребальным обрядом или, учитывая морфологию находки, использование скульптурки в качестве миниатюрной курильницы.

Птицы в обрядовой деятельности. Обнаружение фигурки ворона на площади некрополя не представляется случайным. Феномен помещения скульптур летящих птиц в погребения известен по материалам могильников раннего железного века Прикамья. Здесь литые, достаточно массивные орнитоморфные фигурки обнаружены в погребениях Луговского (рис. 2, 2) и Зуевского (рис. 2, 3) могильников ананьинской культуры. Предметы залегали в области грудной клетки погребенных и, учитывая наличие петельки, интерпретировались как нагрудные украшения, возможно, имеющие солярную символику и магическое значение [Збруева, 1952, с. 34, 41, 82–83, 86, 151]. Интересен аспект, связанный с видовой принадлежностью изображений. Так если для иконографии конца эпохи бронзы были характерны главным образом водоплавающие птицы, то в ананьинское время господствующими становятся изображения хищных птиц (орлов, грифонов и т.д.), чаще их голов [Там же, с. 136, 139]. В эпоху раннего железа образы хищников – зверей и птиц, – а также сцены терзания имели важное значение в искусстве кочевых обществ. По-видимому, именно этим влиянием объясняется зафиксированная трансформация видового состава фауны, находившего отражение в предметах искусства и вооружения ананьинской культуры.

Что же касается факта помещения в погребение орнитоморфных фигурок, то варианты сходных ритуальных действий продолжали существовать и позже, вплоть до XX в. Этнографические исследования зафиксировали аналогичный обряд у северных народов: обские угры помещали в могилу изображения птиц (уток), «провожающих» душу умершего в иной мир [Чернецов, 1959, с. 151–156].

Скульптурки птиц достаточно часто присутствуют на памятниках культового характера. В начале XX в. объемная бронзовая фигурка птицы (гагары?) (рис. 2, 1) обнаружена в прикладах жертвенника Гляденовское костище в Приуралье. Скульптурка, датированная эпохой раннего железа, отличалась от большинства изображений птиц, представленных образцами плоского литья либо «высеченных из (бронзового) листа с припаянной головкой» [Новокрещенных, 1914, с. 82, 84]. В целом образы птиц – водоплавающих и хищных – составляют значительную группу орнитоморфных изображений, обнаруженных на памятнике, в данных изделиях мастера воплощали

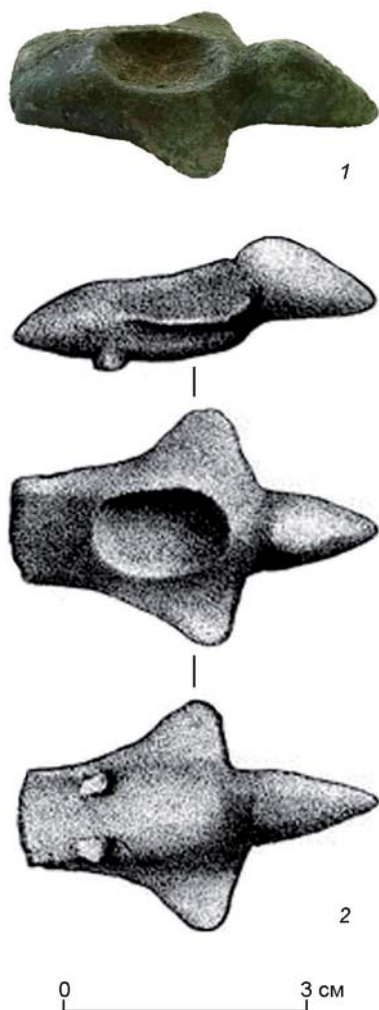

Рис. 1. Скульптурное изображение птицы (ворона?) с памятника Тартас-1.

1 – фото; 2 – прорисовка (по: [Молодин и др., 2016, рис. 3]).

не только знания о внешнем мире, но и мифологические представления [Патрушев, 2021, с. 98–99].

В целом, семантика образа птицы обнаруживает сходство практически у всех народов: способность летать обусловила принадлежность к небу и миру богов. Птицы служили посредниками между верхним миром – обителью солнца, местом обитания человеческих душ, и нижним миром – символом смерти. Селькупы воплощали *птицу – проводника умершего в нижний мир* –

в изображении летящей сойки, которое хранили в жертвенном амбарчике. В такое изображение могла переселиться душа усопшего по пути в мир мертвых [Яковлев, 1996, с. 187]. Подобные верования отмечены и у других народов – например, по поверьям немцев, души умерших людей могли принимать облик животных и птиц, в том числе ворона. У индейцев квакиютль души усопших переносит в загробный мир именно Ворон – в образе птицы мертвых [Соколова, 1972, с. 109, 111, 204]. Образ летящей птицы находит семантическое толкование и в шорском мировоззрении. При погребении перед умершим несли вырезанных из дерева уток с распростертыми крыльями, где последние – преграда между жизненным началом и смертью, ни один солнечный луч – олицетворение верхнего мира – не должен коснуться уходящего в нижний мир, чтобы душа умершего выбрала верный путь. Фигурки птиц оставляли возле могилы. Учитывая подобные воззрения, исследователи считают бронзовые изображения птиц с раскрытыми крыльями атрибутами погребального обряда, попутчиками или вместилищами душ умерших на пути в загробный мир [Яковлев, 1996, с. 189, 191].

Образ Ворона в идеологических представлениях. В мифологии образу ворона (лат. *Corvus corax*) свойственна определенная амбивалентность: у разных народов птица может олицетворять диаметрально противоположные понятия – смерть и жизнь, коварство и мудрость, подземный мир и солнце. Черный цвет оперения связывается с воздействием огня или дыма, а поедание вороном падали, по теории К. Леви-Стросса, способствует восприятию его как посредника между жизнью и смертью [Мелетинский, 1987, с. 245]. В индийских мифах описывается противопоставление лебедя и ворона как жизни и смерти, где ворон являлся эмблемой смерти, зла и несчастий. Сходные представления об этих птицах существовали и в Европе. Наряду с этим в античных мифах птица могла сопровождать богов и героев, связанных с солнцем и небом, земледелием, войной и подземным миром. Так в эллинистический период ворон связывался с культом Аполлона и солнечным культом Митры, в Китае птица

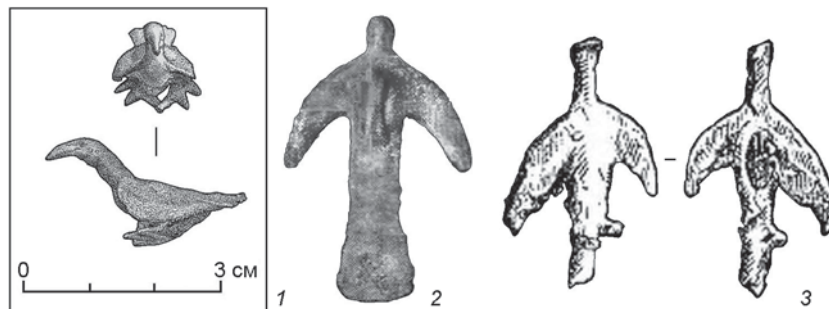

Рис. 2. Объемные орнитоморфные изображения.

1 – Гляденовское костыще (по: [Новокрещенных, 1914, табл. V – 27]); 2 – Луговской могильник (по: [Збруева, 1952, табл. II – 14]); 3 – Зуевский могильник (по: [Там же, табл. IV – 6]).

также имела отношение к солнцу. В Риме образ ворона ассоциировался с надеждой (крик птицы напоминал латинское слово *scas* – «завтра»). В мифологии кельтов Одина всегда сопровождали два ворона, доносившие ему о событиях в мире смертных [Иванова-Казас, 2006, с. 84, 104–111; Соколова, 1972, с. 176].

Почитание птиц и собственно ворона отражено в мифах и ритуалах различных народов по всему миру. У индейцев квакиютль тотем одной из фратрий – человек-ворон – упоминается в мифах как Великий Ворон, подаривший людям солнце. Он, как и Ворон Кутх у чукчей и камчадалов, добыл огонь у духов и отдал его людям [Соколова, 1972, с. 6, 136–137]. У всех палеоазиатов Великий Ворон представляет собой не просто птицу, а могущественного духа. Божественный ворон почитался у коряков и чукчей как творец Вселенной, демиург и культурный герой [Мелетинский, 1979, с. 22 и др.]. У хантов же связанные с птицей представления трансформировались в настоящее время в Вороний день «Вурна-хатль» [Главацкая, 2005, с. 169] – праздник весны, возвращения птиц, из которых ворон возвращается первым, и обновления природы.

В обрядовой практике ворон мог выступать и в качестве жертвы. Разные формы зоолатрии и их пережитки включали изготовление ритуальных изображений почитаемых животных и птиц. В верховьях Оби ханты жертвовали деревянные фигурки воронов, завернутых в черное сукно, Старику-Ворону, духу, гарантирующему здоровье и охотничью дичь [Карьялайн, 1995, с. 117].

В свете рассматриваемой проблемы вызывает интерес один артефакт, найденный на территории Казахстана. В окрестностях г. Алматы у пос. Ерменсай во время хозяйственных работ было случайно обнаружено погребение взрослого и ребенка, отнесенное к скифо-сакскому времени. Захоронение интерпретировано как жертвенное, совершенное при закладке какого-то сооружения. В инвентарь захоронения входила бронзовая курильница в виде блюда на подставке (рис. 3, 1а). В центре блюда размещалась зооморфная композиция – сцена терзания горного козла двумя волками и двумя птицами (рис. 3, 1б, 1в), по периметру

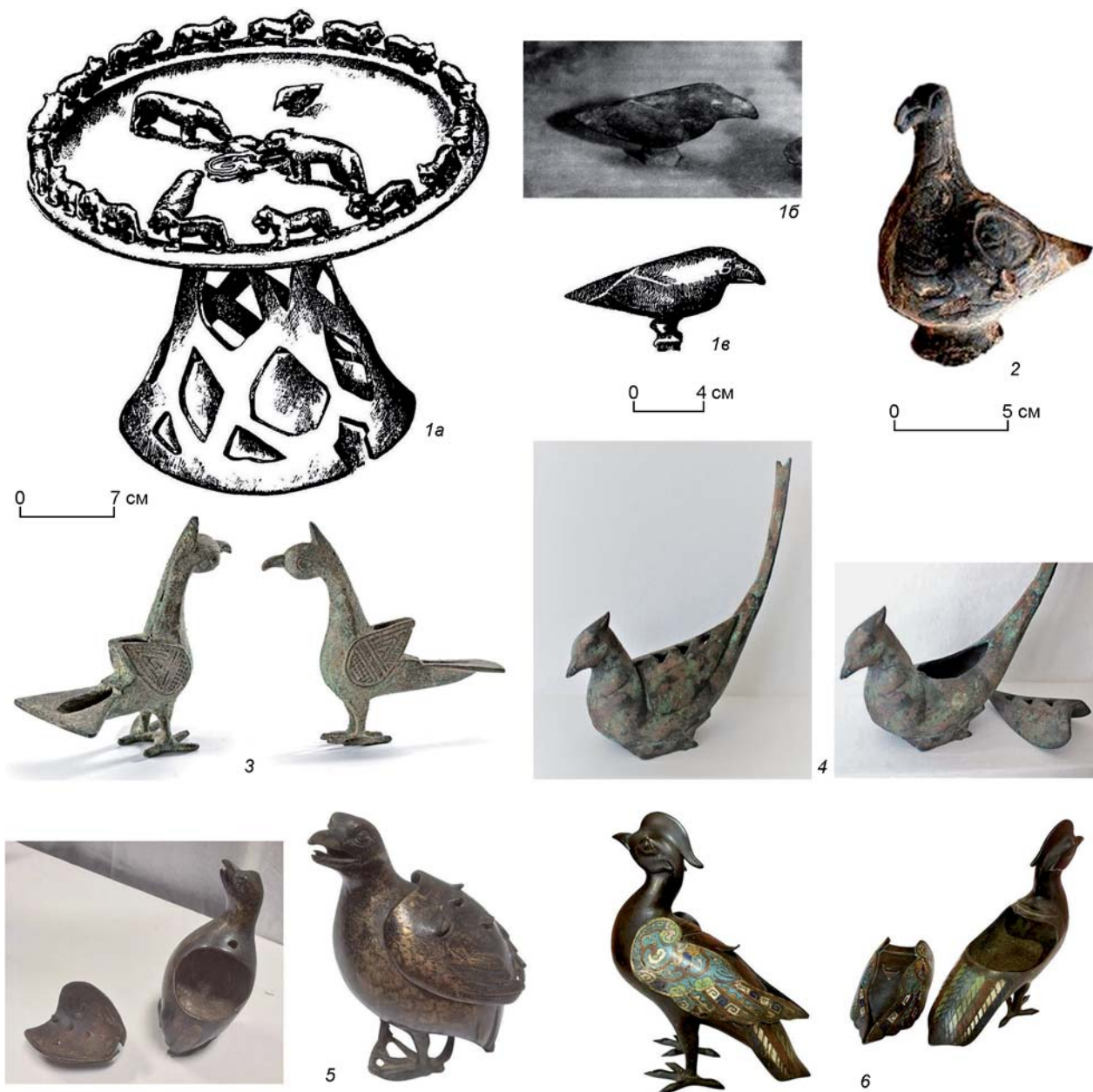

Рис. 3. Орнитоморфные образы, воплощенные в курильницах.

1 – бронзовая курильница с зооморфной композицией, Казахстан (1а – общий вид, 1б, 1в – фигурки птиц (по: [Джумабекова, 1998, рис. 3, 4, 8])); 2 – керамическая птица-курильница, Южный Казахстан, X–XI вв. н.э. (по: [Смагулов, 2013, с. 245]); 3 – бронзовая курильница, Персия, XII в. (по: [A seljuk bronze bird...]); 4 – чугунная японская курильница, середины XX в. (по: [Mid-Century Cast Iron Japanese Koro Bird...]); 5 – бронзовая птица-курильница, Юго-Восточная Азия (?) (по: [Dark Metal Bird...]); 6 – бронзовая курильница из перегородчатой эмали, Китай, XIX в. (по: [Chinese bronze...]).

центральные фигуры окружало шествие из шестнадцати кошачьих хищников [Джумабекова, 1998, с. 123–129]. Несомненно, что здесь отражена сцена, имеющая в основе значимый для своего времени сюжет. Интерес вызывает присутствие птиц, напоминающих воронов, на курильнице, помещенной в погребение. Анализ имевшихся аналогий позволил авторам интерпретировать композицию как жертвоприношение духам предков, погибшим воинам или богу, где посредниками между мирами являются волки и вороны [Там же, с. 135].

Среди вариантов отправления умершего в последний путь имеет место и временное захоронение, предполагающее «помощь» хищников. Данная версия погребального обряда известна с неолитического времени в Анатолии и изучена в процессе раскопок Чатал-Хююка Дж. Меллартом. Усопших оставляли на специальных площадках, где их терзали хищные птицы, освобождая тело от мягких тканей. Намного позднее обряд «отдания» умерших хищным птицам и животным отмечался в иранских обществах зороастрийцев (в Сибири следы подобных обрядов прослежены на

памятниках III–I вв. до н.э. в Минусинской котловине) [Семенов, Килуновская, 2016, с. 16]. У зороастрийцев в число «погребателей» умершего входили собаки и птицы, при этом каспии считали умершего блаженным, если его растерзывали именно птицы, у зирихгеранцев специальные лучники допускали к останкам мужчин только воронов, а к останкам женщин – коршунов. Душа растерзанного быстро считалась отправившейся в рай [Рапопорт, 1971, с. 27]. В рассматриваемой ситуации обращает на себя внимание факт размещения фигурок воронов именно на курильнице.

Курильницы как элемент погребального обряда.

Первой ассоциацией, связанной с этим артефактом, бывает керамической или металлический поддон/сосуд, часто с отверстиями и небольшой, предназначенный для воскуривания благовоний перед предками и богами и/или, возможно, галлюциногенных веществ в процессе отправления священнодействий. Курильницы данного вида достаточно полно отражены в профильных публикациях. Так в материалах катакомбной культуры Предкавказья известна целая серия изделий подобного рода, использовавшихся в погребальном обряде [Панасюк, 2010, с. 25]. Известны они и на территории распространения афанасьевской и окуневской культур, где интерпретируются, как «инструмент, несущий жертву к небу» [Жоньца, 2019, с. 134]. Анализ курильниц афанасьевской эпохи позволил предположить, что эти предметы помещали только в могилы тех, кто владел ими при жизни для отправления определенных ритуалов, возможно, в могилы служителей культов. На окуневских курильницах встречается солярная символика рисунков, что также может отражать культовое предназначение артефактов [Вадецкая, 1986, с. 57–59]. Дальнейшие исследования показали, что миниатюрные курильницы могли ставить в погребения детей. Локализация в захоронении тоже имела варианты и, помимо собственно могильной ямы, курильницы встречались также на краю погребения и даже в насыпи кургана [Фрибус, 2014, с. 50].

Функциональное назначение курильниц, обнаруженных на некрополях, вероятно, не было однозначным. Преобладающим являлось воскурение фимиама предкам или богам в процессе отправления обрядовых действий. Но ритуальное окуривание могло совершаться и как очищение после погребения умершего, существование подобного обряда у скифов описано Геродотом. Раскаленные камни помещали в войлочную юрту и бросали на них семена конопли: «Это парение служит им вместо бани» [Геродот, 1972, с. 205]. Исследователи считают, что у кочевников Азии практиковался обряд очищения конопляным дымом, но в качестве священных использовались емкости, предназначенные для больших групп людей – котлы, ковши и курильницы [Кисель, 2007, с. 77]. В. А. Зах, характеризуя курильницы Западной Сибири, известные в материалах саргатской культуры, приводит виды сибирских растений, которые также могли использо-

ваться для отправления ритуалов, оказывая галлюциногенное воздействие на участников. Сюда входили багульник (*Ledum palustre*), можжевельник (*Juniperus macropocla*), полынь (*Artemisia absinthium*), чабрец (*Thymus serpyllum* L.), красный мухомор (*Amanita muscaria*) и др. [2021, с. 76]. Палинологический анализ курильниц катакомбной культуры показал, что сжигались как ароматические (полынь, маревые), так и имеющие «эстетическую ценность» (астровые, лютиковые, цикориевые, розоцветные). В состав сборов входили лекарственные или имеющие стойкий аромат растения, а также употреблявшиеся в пищу или имевшие декоративное значение [Фрибус, 2014, с. 51].

Нам не известно о существовании обрядов, связанных с использованием трав, у носителей андроновской культуры. Однако в непосредственной близости от рассматриваемого памятника Тартас-2, на разновременном могильнике Сопка-2 в культовом комплексе ирменской культуры, связанном с погребальной обрядностью, в одной из ямок были обнаружены семена полевых растений, возможно, галлюциногенных [Молодин, Ефремова, 2015]. Находка свидетельствует о том, что, возможно, уже в эпоху бронзы население Барабинской лесостепи могло применять ароматические и наркотические вещества в отпращивании культов, в т.ч., и погребальных.

Курильницы продолжают бытовать и позднее. Так в эпоху Средневековья на территории Казахстана появляются объемные экземпляры, в т.ч. оформленные в зооморфном и орнитоморфном стиле, значительная часть из них связана со слоями памятников ритуального характера. Керамические курильницы в виде птиц найдены в слоях городищ Джанкент (рис. 3, 2) и Сидак, в т.ч. в слое культового двора [Смагулов, 2013, с. 242].

Заключение

Возвращаясь к анализируемой скульптурке птицы, хотим предложить один из вариантов интерпретации, учитывающий ее морфологию и контекст обнаружения. Найденная на могильнике Тартас-1 орнитоморфная фигурка с углублением на спине представляет собой специфический артефакт, который нельзя назвать курильницей в общепринятом смысле этого слова. Крошечный объем ямки на спинке птицы мог вместить незначительную часть сжигаемого вещества, вероятно, измельченного до порошкообразного состояния. Можно предположить, что птичка могла специально нагреваться, тогда литая фигурка могла функционировать как аромалампа, испаряя благовония на масляной/водной основе. Учитывая незначительный объем «резервуара» для ароматического вещества, вполне вероятно, что данный предмет предназначался для индивидуального пользования либо использовался в закрытых помещениях и, возможно, был помещен в могилу в качестве сопроводительного инвентаря – для исполь-

зования в загробном мире. Известные в настоящее время примеры орнитоморфных металлических курильниц (рис. 3, 3–6) отличаются морфологически и стилистически, но все они имеют общую черту, косвенно присущую и тартасской скульптурке – резервуар для ароматических веществ на спине. Вполне вероятно, что и углубление на спинке рассматриваемой орнитоморфной фигурки имело аналогичное назначение.

Не противоречит данной интерпретации и выбор образа птицы – согласно рассмотренным мифологическим представлениям, ворон, имеющий доступ и к миру богов, и к миру потустороннему, связанный с погребальным обрядом и знающий дорогу в царство мертвых, мог стать незаменимым помощником погребенному на пути в мир иной и в загробной жизни.

Финансирование

Исследование выполнено по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2025-0001 «Сибирь и сопредельные территории: изучение и реконструкции историко-культурного прошлого».

Благодарности

Благодарю академика РАН, д-ра ист. наук В. И. Молодина за любезное разрешение опубликовать фото орнитоморфной скульптурки.

Список литературы

- Вадецкая Э. Б.** Сибирские курильницы // КСИА. – 1986. – № 185. – С. 50–59.
- Геродот.** История в девяти книгах. – Л.: Наука, 1972. – 600 с.
- Главацкая Е. М.** Религиозные традиции хантов XVII–XX вв. – Екатеринбург; Салехард: РА АРТмедиа, 2005. – 360 с.
- Джумабекова Г. С.** Бронзовая курильница из Семиречья // РА. – 1998. – № 2. – С. 123–137.
- Жоньца Ю.** Символика огня в фоне погребального обряда могил с повозками степи эпохи бронзы // Горизонты цивилизации. – 2019. – № 10. – С. 128–142.
- Зах В. А.** Курильницы и блюда-алтарики саргатской культуры // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2021. – № 2. – С. 66–82. – doi:10.20874/2071-0437-2021-53-2-6
- Збруева А. В.** История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – № 30. – 327 с.
- Иванова-Казас О. М.** Птицы в мифологии, фольклоре и искусстве. – СПб.: Нестор-История, 2006. – 172 с.
- Карьялайнен К. Ф.** Религия югорских народов. – Т. II. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1995. – 284 с.
- Кисель В. А.** Рассказ Геродота и ритуальные сосуды древних кочевников // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 3. – С. 69–79.
- Мелетинский Е. М.** Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл Ворона. – М.: Наука, 1979. – 230 с.
- Мелетинский Е. М.** Ворон // Мифы народов мира. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – Т. I. А–К. – С. 245–247.
- Молодин В. И., Ефремова Н. С.** Ритуальный комплекс ирменской культуры: семантические реконструкции (по материалам могильника Сопка-2) // Археологические изыскания в Западной Сибири и на сопредельных территориях. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2015. – С. 71–77.
- Молодин В. И., Хансен С., Дураков И. А., Райнхольд С., Кобелева Л. С., Ненахова Ю. Н., Ненахов Д. А., Демахина М. С., Селин Д. В.** Новейшие археологические открытия на памятнике Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 357–360.
- Новокрещенных Н. Н.** Гляденовское костыще Пермской губернии на р. Каме, Пермского уезда // Тр. Пермской Губернской Ученой Архивной Комиссии. – Пермь: Труд, 1914. – С. 19–97 + 17 табл.
- Панасюк Н. В.** Раннекатакомбные курильницы степного Предкавказья // РА. – 2010. – № 2. – С. 25–38.
- Патрушев В. С.** Зооморфные изображения финно-угров Волго-Камья эпохи раннего железа // Гляденовское городище-костыще в контексте культуры раннего железного века и эпохи Великого переселения народов лесной полосы Евразии. – Пермь: Perm Univ. Press, 2021. – С. 95–100.
- Рапопорт Ю. А.** Из истории религии древнего Хорезма (оссуарии). – М.: Наука, 1971. – 128 с.
- Семенов В. А., Килуновская М. Е.** «Разрушение», «разграбление», «ритуал» – погребальный обряд в контексте древних культур (по археологическим памятникам Тувы // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. – СПб.: ИИМК РАН; Невская кн. типогр., 2016. – С. 15–36.
- Смагулов Е.** Раннесредневековые керамические курильницы Южного Казахстана // Українська керамологія: Національний науковий щорічник. За рік 2012. Глиняний посуд у культурі харчування народів світу. – Опішне: Українське Народознавство, 2013. – Кн. VIII. – Т. 1. – С. 237–252.
- Соколова З. П.** Культ животных в религиях. – М.: Наука, 1972. – 215 с.
- Фрибус А. В.** Курильницы в структуре погребального обряда культур эпохи палеометалла степной Евразии // Вестн. Кемер. гос. ун-та. – 2014. – Т. 2, № 3. – С. 48–51.
- Чернецов В. Н.** Представления о душе у обских угров // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований: ТИЭ. Нов. сер. – М., 1959. – Т. 51. – С. 114–156.
- Яковлев Я. А.** К проблеме классификации и семантики орнитоморфных изображений с раскрытыми крыльями эпохи железа из Приобья // Мат-лы и исслед. культурно-исторических проблем народов Сибири. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1996. – С. 178–197.
- A seljuk bronze bird incense burner** [Электронный ресурс] // Oriental Art Auctions. – URL: <https://www.orientalartauctions.com/object/art300564-a-seljuk-bronze-bird-incense-burner-persia-12th-century> (дата обращения: 14.05.2026).
- Chinese bronze cloisonné enamel bird-form censer** [Электронный ресурс] // Emmett & White Antiques & Interiors. – URL: <https://emmettandwhite.com/decorative/a-19th-century-chinese-bronze-cloisonne-enamel-bird-form-censer> (дата обращения: 14.05.2026).
- Dark Metal Bird Form Incense Burner** [Электронный ресурс] // Chairish. – URL: <https://www.chairish.com/>

product/1012253/dark-metal-bird-form-incense-burner (дата обращения: 14.05.2026).

Mid-Century Cast Iron Japanese Koro Bird Incense Burner [Электронный ресурс] // Chairish. – URL: <https://www.chairish.com/product/9032476/mid-century-japanese-koro-bird-incense-burner> (дата обращения: 14.05.2026).

References

A seljuk bronze bird incense burner. In *Oriental Art Auctions*. URL: <https://www.orientalartauctions.com/object/art300564-a-seljuk-bronze-bird-incense-burner-persia-12th-century> (Accessed: 14.05.2026).

Chernetsov V. N. Predstavleniya o dushe u obskikh ugrov. In *Issledovaniya i materialy po voprosam pervobytnykh religioznykh verovanii: Trudy Instituta Etnografii. Novaya seriya*. Moscow, 1959. Vol. 51. P. 114–156. (In Russ.).

Chinese bronze cloisonné enamel bird-form censer. In *Emmett & White Antiques & Interiors*. URL: <https://emmettandwhite.com/decorative/a-19th-century-chinese-bronze-cloisonne-enamel-bird-form-censer> (Accessed: 14.05.2026).

Glavatskaya E. M. Religioznye traditsii khantov XVII–XX vv. Ekaterinburg; Salekhard: RA ARTmedia, 2005. 360 p. (In Russ.).

Dark Metal Bird Form Incense Burner. In *Chairish*. URL: <https://www.chairish.com/product/1012253/dark-metal-bird-form-incense-burner> (Accessed: 14.05.2026).

Dzhumabekova G. S. Bronzovaya kuril'nitsa iz Semirech'ya. *Russian Archaeology*, 1998. No. 2. P. 123–137. (In Russ.).

Fribus A. V. Kuril'nitsy v strukture pogrebal'nogo obryada kul'tur epokhi paleometalla stepnoi Evrazii. *Vestnik KSU*, 2014. Vol. 2, No. 3. P. 48–51. (In Russ.).

Gerodot. Istoriya v devyati knigakh. Leningrad: Nauka, 1972. 600 p. (In Russ.).

Ivanova-Kazas O. M. Ptitsy v mifologii, fol'klore i iskusstve. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2006. 172 p. (In Russ.).

Karjalainen K. F. Religiya yugorskiykh narodov. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1995. Vol. II. 284 p. (In Russ.).

Kisel V. A. Rasskaz Gerodota i ritual'nye sosudy drevnikh kochevnikov. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2007. No. 3. P. 69–79.

Meletinskii E. M. Paleoziatiskii mifologicheskii epos. Tsikl Vorona. Moscow: Nauka, 1979. 230 p. (In Russ.).

Meletinskii E. M. Voron. In *Mify narodov mira*, Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1987. Vol. 1. A–K. P. 245–247. (In Russ.).

Mid-Century Cast Iron Japanese Koro Bird Incense Burner. In *Chairish*. URL: <https://www.chairish.com/product/9032476/mid-century-japanese-koro-bird-incense-burner> (Accessed: 14.05.2026).

Molodin V. I., Efremova N. S. Ritual'nyi kompleks irmenskoj kul'tury: semanticheskie rekonstruktsii (po materialam mogil'nika Sopka-2). In *Arkheologicheskie izyskaniya v Zapadnoi Sibiri i na sopredel'nykh territoriyakh*. Novosibirsk:

Novosibirsk State Pedagog. Univ. Press, 2015. P. 71–77. (In Russ.).

Molodin V. I., Hansen S., Durakov I. A., Reinkhold S., Kobeleva L. S., Nenakhova Y. N., Nenakhov D. A., Demakhina M. S., Selin D. V. Recent Archaeological Discoveries in the Site Tartas-1. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016. Vol. 22. P. 357–360. (In Russ.).

Novokreshchennykh N. N. Glyadenovskoe kostishche Permskoi gubernii na r. Kame, Permskogo uezda. In *Trudy Permskoi Gubernskoi Uchenoi Arkhivnoi Komissii*. Perm: Trud, 1914. P. 19–97 + 17 Tabl. (In Russ.).

Panasjuk N. V. Rannekatakombnye kuril'nitsy stepnogo Predkavkaz'ya. *Russian Archaeology*, 2010. No. 2. P. 25–38. (In Russ.).

Patrushev V. S. Zoomorfnye izobrazheniya finno-ugrov Volgo-Kam'ya epokhi rannego zheleza. In *Glyadenovskoe gorodishche-kostishche v kontekste kul'tury rannego zhelezno veka i epokhi Velikogo pereseleniya narodov lesnoi polosy Evrazii*. Perm: Perm Univ. Press, 2021. P. 95–100. (In Russ.).

Rapoport Y. A. Iz istorii religii drevnego Khorezma (ossuarii). Moscow: Nauka, 1971. 128 p. (In Russ.).

Rzońtsa J. Simvolika ognia v fone pogrebal'nogo obryada mogil s povozkami stepi epokhi bronzы. *Gorizonty tsivilizatsii*, 2019. No. 10. P. 128–142. (In Russ.).

Semenov V. A., Kilunovskaya M. E. “Razrushenie”, “razgrablenie”, “ritual” – pogrebal'nyi obryad v kontekste drevnikh kul'tur (po arkheologicheskim pamyatnikam Tuvy. In *Drevnie nekropoli i poseleniya: postpogrebal'nye ritualy, simvolicheskie zakhoroneniya i ogrableniya*. St. Petersburg: IHMC RAS Publ.; Neva Book Publ., 2016. P. 15–36. (In Russ.).

Smagulov E. Rannesrednevekove keramicheskie kuril'nitsy Yuzhnogo Kazakhstana In *Ukrains'ka keramologiya: Natsional'nyi naukovii shchorichnik. Za rik 2012. Glinianii posud u kul'turi kharchuvannya narodiv svitu*. Opishne: Ukrains'ke Narodoznavstvo, 2013. Book 8, vol. 1. P. 237–252. (In Russ.).

Sokolova Z. P. Kul't zhivotnykh v religiyakh. Moscow: Nauka, 1972. 215 p. (In Russ.).

Vadetskaya E. B. Sibirskie kuril'nitsy. In *Brief Reports of the Institute of Archeology*, 1986. No. 185. P. 50–59. (In Russ.).

Yakovlev Y. A. K probleme klassifikatsii i semantiki ornitomorfnykh izobrazhenii s raskrytymi kryl'yami epokhi zheleza iz Priob'ya. In *Materialy i issledovaniya kul'turno-istoricheskikh problem narodov Sibiri*. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1996. P. 178–197. (In Russ.).

Zakh V. A. Kuril'nitsy i blyuda-altariki sargatskoi kul'tury. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2021. No. 2. P. 66–82. (In Russ.). doi:10.20874/2071-0437-2021-53-2-6

Zbrueva A. V. Istoriya naseleniya Prikam'ya v anan'inskuyu epokhu. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii*. Moscow: AS USSR Publ., 1952. No. 30. 327 p. (In Russ.).

Ефремова Н. С. <https://orcid.org/0000-0002-3053-8755>

Дата сдачи рукописи: 31.05.2026 г.